

Вячеслав Долинин

В "СОБАЧНИКЕ"
/рассказ зека/

Поздно вечером с этапом я прибыл в тюрьму. Сначала нас поместили в "отстойник". Это небольшой вагон, огороженный стальной решеткой. Этап был многочисленным, и в "отстойнике" заключенные стояли плотно сдавленной массой. Вскоре кучками по несколько человек нас начали разводить по "собачникам" - специальным камерам с двухъярусными нарами, в которых зеков запирают на время, пока идет сортировка вновь прибывших. В такой камере вместе могут оказаться подследственные и уже осужденные, новички, идущие на "общак" /общий режим/, и многоопытные зеки с "особняка" /особого режима/. Постепенно, разобрав палки с персональными делами, - эти палки прибывают вместе с этапом, - тюремщики переводят заключенных на постоянные места в камеры, предназначенные для разных режимов содержания. И дальше подследственные сидят отдельно, приговоренные к заключению на общем режиме тоже отдельно, отдельно - зеки со строго-го, особого и усиленного режимов.

Меня поместили в "собачник" незадолго до отбоя вместе с тремя подследственными, возвратившимися в тюрьму после стационарной психиатрической экспертизы. Один из них, опухший, с воспаленным шрамом на горле, видимо закормленный какими-то лекарствами, сразу влез на нары и уснул.. "Цирик" /надзиратель/ предупредил, что мы останемся в "собачнике" до утра. Я тоже собрался лезть на второй ярус нар, но двое других предложили "поболтать о том, о сем". Первый - молодой, с глазами, смотревшими в разные стороны, представился как Вова. Он обвинялся по 102-й статье Уголовного кодекса /умышленное убийство/. Надо отметить, что при знакомстве зеки, как правило, называют только номера статей УК, по которым они сидят. Что стоит за этими номерами - их сокамерникам известно. Сказал: "108-я" - значит, тяжкие телесные повреждения, "144-я" - значит, кража личного имущества. О подробностях говорить вовсе не обязательно. Однако, если компания подберется "теплая", то начинаются откровенные разговоры, в которых охотно выкладываются детали

дела. Вова рассказал, что он совершил убийство, труп расчленил, а куски пытался спрятать в разных местах. Следователи заподозрили, что у него не все в порядке с психикой, и направили Вову на экспертизу. Второй, мужчина лет 45-и, вполне интеллигентного вида, с рыжеватой бородкой, назвал фамилию - Герасимов. Держался он с достоинством и был уверен в своей широкой известности. Однако, ни мне, ни Вове его фамилия ничего не говорила.

- Странно, - удивился Герасимов, - неужели не знаете о трупах в реке Монастырке?

Я вспомнил, что действительно, слышал какие-то смутные рассказы о покойниках, найденных в этой речке вблизи Александро-Невской Лавры. Герасимов чувствовал свою значительность и был настроен покровительно-дружелюбно. О своем деле говорил охотно.

Дело было необычным. Герасимов знакомился на улице со случайными людьми, заманивал их к себе на квартиру, убивал, разрезал трупы на кусочки и старался сложить эти кусочки так, чтобы убитый занял как можно меньше места. Герасимов подробно рассказал, как следует расчленять покойников, как можно компактно разместить куски плоти. Убийство заключало для него "цель в себе". Оказывается, - говорил Герасимов, - человек, если его аккуратно сложить, занимает очень мало места. Обычно он укладывал трупы в коробки из-под электротоваров, подобранные в соседнем дворе у магазина.

- Слушай, а как ты их заманивал?

- Очень просто! Подойду к пивному ларьку, покажу какому-нибудь алкашу бутылку водки, предложу составить компанию - никто не откажется! ... Ну вот, год назад, на октябрьские праздники, явился один ко мне, поджарили яичницу, выпили по стопке, потом я подошел сзади - и его ножом в шею! Он упал со стула и только ногой задрыгал.

Воспоминания вдохновили Герасимова. Он возбудился и даже показал, как умирающий в конвульсиях дергал ногой.

- А потом что?

- Ну, что... Допил водку, доел яичницу, уложил его в коробочку - и в Монастырку!

- И скольких же ты так?

Герасимов насторожился, посмотрел на меня подозрительно, подумал.

— По делу проходят семеро...

Я понял, что передо мной маньяк-убийца, которого психиатрическая экспертиза признала вменяемым только для того, чтобы его можно было приговорить к расстрелу. Если Герасимова признать больным, то тогда придется направить его на принудительное лечение в психбольницу, а там он продолжит свою "деятельность".

— Слушай, как ты считаешь, сколько тебе дадут? — спросил я.

— Ну, если по-справедливости, то года два-три. Но ты же знаешь, как у нас судят...

Герасимова подвела жадность. Однажды, убив очередного гостя, он решил прикончить еще одного. Пригласил домой, зарезал, но картонная коробка в запасе была только одна. Второй труп некуда было запаковать. Тогда Герасимов куски второго положил в наволочку от подушки. Коробка и наволочка в тот же вечер полетели в Монастырку.

Вскоре после Герасимова на берегу речки появилась молодая пара. Влюбленные обратили внимание на белую наволочку, колыхавшуюся в воде. Юноша палкой поддел ее. Из наволочки вывалилась отрезанная человеческая голова. Наверное, половина города услышала визг перепуганной девицы... Милиция оказалась рядом. На наволочке была метка приемного пункта прачечной, услугами которой пользовался Герасимов. Милиция взломала дверь пункта и по найденным там бумагам узнала имя и адрес владельца наволочки.

После своего двойного "подвига" тот не торопился домой, гулял по Старо-Невскому, а когда вернулся, его уже ждали. На полу была лужа крови, которую Герасимов не успел убрать.

После первых же допросов убийцу направили на психиатрическую экспертизу. И вот, спустя шесть месяцев, "вменяемый" Герасимов возвратился в тюрьму.

На ночь лампочка в "собачнике" не гасится, но биологические часы работают точно, и несмотря на будоражащий рассказ Герасимова, меня влекло ко сну. Я забрался на верхние нары.

Отшлифованные за долгие годы зековскими бушлатами доски

были исписаны именами, номерами статей УК, адресами лагерей, просьбами передать привет кому-то лично или целой зоне сразу. Вот и про мой лагерь: "Т/П Грушевке". Это значит: "Тюремный привет зоне в Яблоневке". Разглядывая надписи, я начал засыпать. Внизу сидели Герасимов и Вова. Они продолжали тихо бубнить. До меня доносились слова Герасимова:

— Я ошибся, — говорил он, — мне бы надо от каждого трупа отрезать по кусочку и топить в уборной. Меня бы спросили, где недостающий кусочек, а я в ответ: съел. Точно бы признали дуриком!

Потом пауза — и напряженный голос Вовы:

— А ведь еще не поздно!

И они перешли на шепот...

Сон сразу исчез. Я почувствовал липкий пот на лбу и висках, когда смысл фразы дошел до сознания. Было понятно, что если эти психи ~~прощавшиеся~~ договарятся, то мне с ними не справиться. Мой лагерный срок завершался. Позади были годы в "Грушевке" — самой "беспребедельной" /бесправной/ зоне под Петером. Ложась спать, я прятал под подушку заточенный напильник на случай ночной драки с пьяными или накурившимися анаши "вориками" /латными/. Позади был голод, выпавшие от цинги зубы, каторжный труд почти без выходных. И вот, за несколько месяцев до конца этих мук два идиота собрались меня сожрать.

Ломиться в дверь и звать на помощь — бесполезно. Ночью ни один "цирик" не подойдет. Что делать?

Я слез и встал перед Герасимовым и Вовой. Оба молча смотрели на меня. Согласовать свои действия они не успели. Мои челюсти и колени подрагивали. С трудом я выговорил:

— Давайте анекдот расскажу...

Они молчали. Я начал:

— Идет мужик по пустыне, жарко, пить хочется. Вдруг видит колодец. Подбегает, заглядывает вниз, а из воды на него смотрят два огромных зеленых глаза, "Ни фига себе", — говорит мужик. Вдруг из колодца голос: "А фиг ли ты думал?" /выражения на бумаге смягчаю/.

Герасимов с Вовой переглянулись и снова уставились на меня. И я начал рассказывать один за другим все анекдоты, ка-

кие помнил: про Чапаева, про мужа, который неожиданно вернулся из командировки, про Брежнева. После каждого анекдота Герасимов и Вова переглядывались и снова молча смотрели на меня. Ни один, ни другой ни разу не засмеялись.

Когда кончился запас анекдотов, я начал читать стихи, петь песни, рассказывать истории из своей жизни и жизни знакомых. Герасимов и Вова молчали. Сговориться до конца им не удалось, и никто не решился наброситься на меня первым.

Всю ночь я заливался, как Шахерезада. Где-то около шести утра по коридору начали ходить "цирики". Тяжелая глыба напряженности, давившая на меня, раскололась, и сразу стало легко — теперь уже не нападут. Облегчение почувствовали и Герасимов с Вовой. Решиться на убийство — даже для них — очень не просто.

Настроженность быстро исчезла из камеры. Вернулась доброжелательность. Герасимов снова стал общительным, разговорился.

Дверь открылась, и "цирик" приказал Герасимову собираться с вещами. Он быстро сложил зубную щетку, полотенце и другие мелочи в "сидор" /самодельный вещмешок/, мы попрощались. Уже уходя, Герасимов спохватился:

— Слушай, давай обменяемся телефонами! Может, ещеувидимся.

• • • •

Я М А

/лагерная новелла/

Дни в лагере схожи между собой и, из-за этого их однообразия, недели, месяцы, годы в заключении слипаются в плотный, нерасчленяемый комок, который катится от одной даты к другой, одновременно радуя — короче оставшийся срок — и огорчая — короче оставшаяся жизнь.

Шесть дней в неделю мы работали в промзоне, отделенной от жилого барака двумя заборами. В блочном, продуваемом цехе обтачивали на токарных станках и фрезеровали болванки для свердловского инструментального завода. Неделю — утренняя смена, неделю — вечерняя.

Однажды ворота лагеря открылись, и к зданию цеха подполз рычащий экскаватор. Он принял копать яму. Металлическая челюсть с блестящими зубьями откусывала куски земли и глины. Закончив работу, экскаватор с пыхтением вернулся в "свободный мир". Яма получилась круглая, глубиною в два человеческих роста. Вокруг нее сложился вал из вынутого грунта.

Наряду с диссидентами, в нашем политическом лагере сидели старики, служившие в годы войны у немцев. Некоторые из них участвовали в массовых расстрелах. Эти старики первыми заинтересовались ямой — она напоминала им что-то знакомое. По одному и кучками топтались они вокруг ямы, а потом, взъерошенно жестикулируя, толковали в своем кругу. Среди старииков началось беспокойство. Некоторые стали кричать по ночам — загнанные в подсознание воспоминания рвались наружу.

На дне ямы выступила глубинная грунтовая вода. В этой воде лежало голубое небо, по ней проскальзывали белые хлопья облаков, по краям то появлялись, то исчезали серые пятна — отраженья зеков, заглядывавших вниз.

Даже при небогатом воображении легко было представить свое погружение в эту склизкую глубь. И холод начинал литься за воротник, постепенно растекаясь по всему телу.

Мы, политические заключенные, к беспокойству стариков относились с иронией. Хотя, конечно же, не ждали ничего хорошего от властей. Было начало восьмидесятых, и тогда самые мрачные прогнозы не казались слишком фантастическими.

С одним из стариков, Адамовичем, я разговаривал о яме. Адамович имел кличку "Герой Хатыни", так как участвовал в расстреле жителей этого села. Правда, он говорил, что ни в кого не стрелял, а только стоял в оцеплении. Однако, приговор суда, в котором, вероятно, давалась иная версия событий, хранил в запертом чемодане и не показывал никому. Адамович со знанием дела рассуждал, что в яме легко поместятся все пятьдесят зеков из нашего лагеря:

- А сверху землю можно бульдозером утрамбовать, и концов не найдешь.

Потом он вытащил папиросу и ехидно продолжил:

- Рейган далеко, а вот Андропов близко. Он покажет вам, диссидентам, что такое Права Человека.

- Разве только нам?

- Не только, - с досадой согласился Адамович.

Он попытался закурить и сломал спичку.

Вскоре во время вечерней смены в цех пришел начальник лагеря, как обычно, не вполне трезвый. Глядя на его опухшую физиономию, нос в синих прожилках и красные глаза, хотелось сказать: пить надо меньше. Однако, чем же еще таким, как он заниматься в этой пермской глупи? Если не пить, то от пустой, бесцветной жизни голова сама полезет в петлю.

Старики окружили начальника.. Стали допытываться, с какой целью вырыта яма. Тот долго уклонялся от прямого ответа, а потом сказал: "Подземный трубопровод прорвало. Нужно найти утечку". Но разве зек поверит лагерному начальству?

Поздно вечером, после окончания смены, возбужденные старики вышли из ворот цеха на открытый воздух. Стоя в темноте, они продолжали обсуждать разговор с начальником. Вдруг в наэлектризованном воздухе мелькнула бурая молния. Она пронеслась над головами заключенных и уткнулась в край ямы. В эту минуту вдоль лагерных заборов вспыхнули фонари, и мы увидели: на

железной бочке рядом с ямой сидела и смотрела на нас коричневый сова — мудрая птица, знающая тайну жизни и смерти.

Через сутки в нашу зону из соседней перекинули зека-плотника, и он рассказал, что там тоже вырыта глубокая яма наподобие нашей. И там начальство говорит, что ищет лопнувшую трубу. Старики уже не сомневались в том, что для нас всех приготовлена могила. Двое, у которых сроки вскоре завершались, написали домой, чтобы их не ждали.

На следующий день в лагере работал ларек. Он открывался раз в неделю, по четвергам. В течение месяца зек, если его не лишало отоварки начальство, мог купить в ларьке курева и еды на пять рублей. Эту сумму заключенные обычно старались распределить так, чтобы иметь возможность понемногу делать покупки каждую неделю. Всю пятницу сразу не тратили. На этот раз, а дело происходило в самом начале месяца, стоявший первым в очереди Адамович набрал консервов, масла, конфет на все пять рублей сразу. Многие, вслед за Адамовичем, поступили так же. Продавщица, не привыкшая к такому поведению зеков, спросила у очередного покупателя, что он будет делать в конце месяца, если все свои деньги потратил уже в начале. "До конца нужно еще дожить, — ответил зек-покупатель, — вон какую яму вырыли в промзоне... Обидно будет, если не успею отовариться на всю сумму".

Беспокойство среди старииков росло. Они начали изучать сторожевые вышки, на которых дежурили автоматчики, присматриваться к заборам. Не такие уж эти заборы, в конце концов, прочные. А солдаты на вышках спокойно несли караульную службу. Иногда охранники из Средней Азии пели веселые и тоскливы песни на своих неведомых нам языках.

В душной лагерной атмосфере вредная бактерия беспокойства особенно заразительна. От старииков она передалась лагерной администрации. И вот пунцовый нос начальника засиял на валу над ямой. Вокруг собралось все местное руководство. Оно что-то обсуждало, размахивая руками. Наконец, ворота лагеря вновь открылись и в зону вошел бульдозер. Он подполз к яме, навалился на серую кучу грунта у ее края, и комья посыпались вниз. Завалив яму и утрамбовав гусеницами площадку, бульдозер удалился за ворота.

Постепенно разговоры на страшные темы прекратились. Пламя страстей погасло, и ветер унес пепел. Напоминать о яме считалось дурным тоном.

Начало восьмидесятых. Время пессимизма и неопределенности. Я заглядываю в него, как в яму, на дне которой выступила грунтовая вода, и вижу голубоватое подобие неба и свое расплывающееся отражение — голову, стриженую наголо, и серую зековскую форму.

• • • • •